

УДК 811.512.1(575.2)(043.3)

https://doi.org/10.33619/2414-2948/88/68

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЗВУКОВЫХ КОМПЛЕКСОВ V+C+V ИЗ МОНГОЛЬСКИХ ЯЗЫКОВ В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

©*Каратаева С. К.*, ORCID: 0000-0001-9488-9880, канд. филол. наук
Киргизский государственный университет им. И. Арабаева,
г. Бишкек, Кыргызстан, sonayimkaratayeva@mail.ru
©*Семиз К.*, ORCID: 0000-0003-3524-3339, канд. филол. наук,
Международный казахско-турецкий университет им. Х.А. Ясави,
г. Туркестан, Казахстан, kenansemiz55@hotmail.com

TRANSFORMATION OF SOUND COMPLEXES V+C+V FROM MONGOLIAN LANGUAGES TO TURKIC LANGUAGES

©*Karataeva S.*, ORCID: 0000-0001-9488-9880, Ph.D., Arabaev Kyrgyz State University,
Bishkek, Kyrgyzstan, sonayimkaratayeva@mail.ru
©*Semiz K.*, ORCID: 0000-0003-3524-3339, Ph.D.,
Akhmet Yasavi International Kazakh Turkish University,
Turkestan, Kazakhstan, kenansemiz55@hotmail.com

Аннотация. Особый интерес специалистов вызывает этимология долгих гласных тюркского и монгольского языков, входящих в алтайскую семью, сохранение их различных состояний. Несмотря на то, что эти языки входят в одну языковую семью, периоды возникновения и развития долготы звуков отличаются. В монгольских языках процесс перехода звуковых сочетаний V+C+V в длительные относится к XIII–XIV вв. Этот процесс в двух языковых группах происходил по-разному. Если в монгольских языках в зависимости от качества второй гласной из комплекса V+C+V (подвергающейся сокращению) возникала долгота, то в тюркских языках, наоборот, качество долготы, появляющейся в следующем слоге, определял гласный звук первого слога. Если долгота звукового сочетания V+C+V из монгольских языков была воспринята как готовый языковой факт, то было выяснено, что в большинстве случаев такие комплексы после усвоения обретали долготу в соответствии с внутренними законами тюркских языков.

Abstract. Of particular interest to specialists is the etymology of the long vowels of the Turkic and Mongolian languages, which are part of the Altai family, and the preservation of their various states. Despite the fact that these languages belong to the same language family, the periods of emergence and development of longitude of sounds differ. In the Mongolian languages, the process of transition of sound combinations V + C + V into long ones dates back to the 13-14th centuries. This process in the two language groups took place in different ways. If in the Mongolian languages, depending on the quality of the second vowel from the V + C + V complex (subjected to contraction), longitude arose, then in the Turkic languages, on the contrary, the quality of the longitude appearing in the next syllable was determined by the vowel of the first syllable. If the longitude of the sound combination V + C + V from the Mongolian languages was perceived as a ready-made linguistic fact, then it was found that in most cases such complexes, after assimilation, acquired longitude in accordance with the internal laws of the Turkic languages.

Ключевые слова: монгольские языки, тюркские языки, фонетические соответствия, языковая общность, дифтонги.

Keywords: Mongolian languages, Turkic languages, sound complexes, longitude, phonetic correspondences, linguistic commonality, diphthongs.

В киргизском языкознании вопросы киргизско-монгольских языковых взаимосвязей были исследованы такими учеными как Б. М. Юнусалиев, Б. Орузбаева, С. Кудайбергенов, К. Дыйканов, С. Сыдыков. Родственная близость тюркских и монгольских языков на материале древних корневых слов была безусловно доказана в труде академика Б. М. Юнусалиева. Так автор пишет: «Регулярные фонетические соответствия между тюркскими и монгольскими языками, соответствия в наиболее древних основах и глаголах с совпадением грамматических значений последних, общности некоторых грамматических морфем, зачастую омертвевших ныне в этих языках, а также более близкие соответствия в фонетике, в корневых словах и в грамматике между современными тюркскими языками объясняются не чем иным, как языковой общностью в древнейшей эпохе между родами и племенами, из которых постепенно формировались эти современные народы» [5]. Вместе с поддержкой мнения Б. М. Юнусалиева не будет лишним отметить, что основным показателем родственной общности тюркских и монгольских языков является схожесть лексики, составляющей древнюю словарную базу языков (корневые глаголы, соматические слова, родственные наименования, названия домашних животных, явлений природы и др.).

Во многих случаях в монгольских языках долгие гласные возникли при ликвидации интервокальных щелевых *г, ғ, j*, в редких случаях согласного *w*. Двухслоговые с одинаковыми гласными (*a+a, i+i, e+e*) быстро прошли этот процесс, в то время как слоги, состоящие из разных гласных (*o+a, a+u, e+u*) сохранились на долгое время, вначале перейдя в дифтонги, а только затем обрели долготу. Такие части в составе дифтонгов подверглись вынужденной регрессивной ассимиляции, как в ойротском языке и других диалектах (*o+a→a+a*; или во всех диалектах монгольского языка — *a+u→u+u, e+ü→ü+ü*), а также прогрессивной ассимиляции (*o+a→o+o* — в халха, бурятском языках и восточных диалектах), только потом возникли современные долгие гласные. Их и сейчас можно встретить в монгольском и дагурском языках [4].

Лексику тюркских языков, заимствованную из монгольских языков, можно относить к разным источникам только по фонетической структуре, точнее говоря, к старомонгольскому письменному языку или к современным монгольским языкам. Это можно доказать и через трансформацию звуковых сочетаний *V+C+V* лексики тюркских языков, заимствованной из монгольских языков.

**aγa→aa*:

Старомонг. *baraγan*, халх., бур. *бара:(н)*, старокалм. *бара:*, калм. *баран* «силуэт, очертание» [8]; сал. кырг. *бараан* «караан, элес, сөлөкөт», алт. *бара:н, бараан кара* «темный цвет; неясные контуры, очертания, силуэт». Звуковое сочетание **aγa* в монгольских языках дало долготу [*a:*]. Киргизский и алтайские языки заимствовали вместе с долготой.

Старомонг. *salaya*, халх. *сала:*, бур. *хала:*, даг. *салā* «разветление, ответвление; бур. «рукав реки, приток» [10]; сал. кырг., алт., хак., тув. *сала:*; алад. *сала*; теленг. *салага* [6]; каз., ккал. *сала*, встречаясь в звуковых модификациях, используются в значениях «течение реки, разделенной на несколько рукавов; расстояние между пальцами; палец» [12]. Долгое (*aa*), звуковое сочетание (*-ага*) и короткое гласное (*-а*) последнего слога слов тюркского языка обусловлены тем, что были заимствованы в разное время из монгольских языков.

Старомонг. *saγad* (**saγa-d*), халх., калм. са:д, бур. ha:t «помеха, препятствие» [10]; сал. кырг. саат «помеха, беда, пакость»; алт. са:t «медленный; медленно»; шор., тоф., тув. са:t «задержка, препятствие». Из тюркских языков только в алтайском языке оно подверглось лексико-грамматическим изменениям, перейдя в разряд таких частей речи как прилагательное и наречие [2]. В других тюркских языках сохранено первоначальное значение. Из монгольских языков заимствовано с долгими гласными.

Старомонг. *saγadaγ* (**saγa-daγ*), халх., са:даг, старокалм. са:даг, калм. са:дг, бур. ha:даг «колчан; лук со стрелами» [10]; встречается в формах сал. чаг. *saγdaq*; тар. sa:γidaq, с.-уйг. *saγadaq* ~ *saγatak* [14]; кырг. саадак «лук; колчан для стрел»; алт., тув. са:дак; хак., як. са:дах; каз. ккал. садак; түркм. сагдак [10]. В тюркских языках первый слог слова приходит в модификациях аа, -аγа-, а.

Старомонг. *udaγa* (*uda-γa*), халх., бур. уда: «после», калм. уда «раз, разок» [10]; сал. кырг. удаа «один за другим»; хак., тув. уда:, узб.диал. уда; в каз., ккал. Известны формы удайы. В кыпчакском письменном памятнике 1303–1362 гг. «Codex Cumanicus» встречается в форме удаа [13]. Если принять во внимание, что наличие долгих гласных противоестественно письменным памятникам на кыпчакском языке, то нет сомнений в том, что данная лексема была заимствована тюркскими языками из монгольских языков вместе с долготой гласных.

**aγu* → уу:

Старомонг. *jasayul* (*jas-a-γul*), халх. засу:л, бур. заһу:л «есаул, часовой, стража» [9]; сал. кырг. жасоол «джигит волостного»; чаг., уйг. диал., кум. йасаул; каз., ккал., уз. диал. жасав^оыл «придворное звание»; уйг. йасавул «караульный начальник» [11]. В монгольских языках **aγu* перешло в долгое → уу. К примеру, старомонг. *saγu*- «сидеть, садиться» → бур. һуу-, халх., калм. суу-. Тюркскими языками регионов Средней Азии была принята форма *jasayul* из старомонгольского языка в соответствии со звуковой структурой каждого из тюркских языков. В киргизском же языке поскольку звуковое сочетание **aγu* дает долгое гласное [оо], используется модификация *jasayul* → жасоол.

**ege* → ee:

Старомонг. *jegeg* (*jege-g*), халх. зэ:г, калм. зе:г «кайма; волосная веревочная окантовка» [9]; сал. кырг. жээк «край чего-либо»; У киргизов Зааминского района Узбекистана жийек; тел. же:к; хак., тув. че:к; каз., ккал. жийек; узб. жихак. В монгольских языках **ege* перешло в долгое → ээ. К примеру, старомонг. *degēsün* «веревка» → бур. дээһэн, халх. дээс и др. В тюркских языках также звуковой комплекс **ege* дает долгое ээ. Сохранение в тюркских языках переходной формы **jegeg* — свидетельство того, что данная лексема была заимствована в древние времена. Изменение звукового строя происходило в соответствии с внутренними законами каждого из тюркских языков: старомонг. **jegeg* → түрк. т. жийек ~ жээк ~ же:к ~ че:к.

Старомонг. *jegeren*, халх., бур. зэ:рен, калм. зе:рн «антилопа, джейран» [6]; сал. кырг. используются две формы жээрен и жейрен; алт. же:рен, де:рен; тув. че:рен; каз., ккал. жайран; узб., кум. жайран; турк. джейлян обозначают «джейран; газель; антилопа; серна; олень» [11]. Известный тюрколог А. М. Щербак, говоря о появлении в тюркских языках слов жээрен и жейрен, отмечает их принадлежность к двум разным источникам. По его мнению, если слово жээрен взято от формы монгольского письменного языка **jegeren*, то прототип второй лексеммы следует искать в персидском языке [7]. Таким образом, признавая формы жээрен и жейрен заимствованиями из двух различных источников, можно прийти к следующему выводу: модификации жээрен ~ же:рен / де:рен ~ че:рен из тюркских языков заимствованы из

монгольских языков вместе с долготой, однако в соответствии со структурными особенностями того или иного тюркского языка подверглись изменениям согласных в анлауте.

Старомонг. *sibege* (**sibe-ge*), халх. шивэ:, бур. шэбэ:, калм. шивэ «короткие ребра у поясницы» [10]; сал. кырг. сүбөө «короткая хрящевая косточка в окончании ребер»; каз. сүбе, алт., тел. сүбе, тув. сүме; хак. сума [8]. Слово распространено в тюркских языках Южной Сибири и кыпчакской группы. Если в тюркских языках в начале слова ш переходит в →с, то в хакасском и тувинском языках б в середине слова переходит в →м. В киргизском языке сохранены к узкому гласному в первом слоге и долгий гласный корневого слова. Во всех тюркских языках Южной Сибири начало с краткой гласной свидетельствует о заимствовании с кратким монофтонгом из монгольских языков.

Старомонг. *gürege*, халх. гүрэ:(н), бур. гүрэ:, старокалм. гүре:, калм. гүрэн, «стороны шеи; сонная артерия» [9]; сал. кырг. күрөө тамыр «вена»; алт. күрө тамыр, каз. күре тамыр. В киргизском и алтайском языках в сторону гласной первого слога происходит лабиализация долгой гласной второго слога, если в киргизском языке долгота сохраняется, то в алтайском языке — переходит в краткую гласную.

**egü* → үү:

Старомонг. *kögegür* [**kökü-gür?*], халх. хөхү:р, бур. хүхү:р «фляжка, кувшин из металла для чая; небольшой кожаный бурдюк для вина» [9]; старокалм. күкү:р, калм. хөкүр «кожаный бурдюк, мешок» [1]; сал. кырг. көөкөр «кожаная прокопченная посуда с узким горлышком»; тел. көкөр «кожаный кувшин» [6]; тув. көгэ:р; хак. күгәр; як. күгүөр. Поскольку в тюркских языках встречается в различных модификациях, можно предполагать, что заимствования происходили в разное время. Скажем, тувинским языком был воспринят рано со звуковым сочетанием **egü* и в соответствии с внутренними законами данного языка перешел в долгий монофтонг. Причина в том, что **egü* в монгольских языках дает долгое [ү:], а в тувинском языке — монофтонг [э:]. К тому же известно, что в монгольских языках долгие гласные из подобных комплексов выходят на основе регрессивной ассимиляции, а в тувинском языке — на основе прогрессивной ассимиляции. Киргизским языком был усвоен относительно поздно с долготой, что позволяет увидеть здесь явление квантативной метатезы.

**igü* → үү:

Старомонг. *serigün*, халх. серү:н, бур. һэрюун, калм. серүн «свежий, прохладный» [10]; сал. кырг. серүүн «прохладный, освежающий»; алт. серү:н, тел. сәрүгүн [3], куманд. сәрәүн [3], чул.-түрк. серәгүн, хак. сөрөн ~ сирен, шор., тув., тоф. сери:н, уйг., уйг. диал. сүрүн [11]. Звуковой комплекс **igü* в монгольском, киргизском и алтайском языках дает долгое [үү], в шорском, тувинском и языке тофаларов давал долгое [ии], иначе говоря, назализация в сторону гласной первого слога. Во-первых, употребление в тюркских языках в формах сәрүгүн ~ сәрәүн ~ серү:н ~ сери:н ~ сөрөн ~ сирен свидетельствует о том, что заимствования из монгольских языков слова *serigün* происходили в разное время, во-вторых, о том, что долгота — неотъемлемая черта тюркских языков.

**iγu* → уу:

Старомонг. *qošiγun*, халх. хошу:(н), бур. хушу:н 1) административно-территориальная единица; 2) воинская часть [10]; старокалм. хэшу:н «княжеское владение у монголов и оловтов», калм. хошун [1]; сал. кырг. кошуун «многочисленное войско, дружина»; алт. кожуун јон «чужой народ (в эпосе)». В монгольских языках рефлекс сочетания **iγu* — [у:], киргизским языком был усвоен после перехода к долготе.

*oγu→oo:

Старомонг. boγurḡay (~boγursay), халх. бо:рцог, бур. бо:рсог «печенье, лепешка» [8]; старокалм. бо:рцог, калм. бо:рцг «кусочки теста, жареные в жиру» [1]; сал. чаг. boγursaq; сой. бо:рзак; узб. богирсак «хворост» [14]; кырг. боорсок «разрезанные кусочки раскатанного теста, обжаренные в масле» [7]; алт. борсок. Присутствие в тюркских языках в различных звуковых формах свидетельствует о том, что данная лексема была ими заимствована в разное время. В киргизском языке присутствует долгота гласных, в алтайском языке присутствует краткий гласный.

Старомонг. ḡoγur, калм., халх. цу:р, бур. су:р «свирель, дудка, свисток» [1]; сал. кырг. чоор, алт. чо:р ~ шо:р, тел. чогор, тув., шор. шо:р «дудка, музыкальный инструмент». В телеутском диалекте алтайского языка сохранено интервокальное -γ-, а в других тюркских языках присутствует долгота.

*öge→өө:

Старомонг. köge, халх., бур. хөө, «черный уголь» [9]; старокалм. кө:, калм. кө «сажа» [1]; сал. бай. т. köj- «гореть»; кырг., алт. көө; тув., тоф. хөе; хак. көйе; каз., ккал., ног. күйе. Слово көйе из хакасского языка в тюркских языках считается самой древней формой. Киргизским, алтайским, тувинским языками заимствован из монгольских языков с долгими гласными [11].

Старо монг. sögem~sögüm, халх., калм. сө:м, бур. һө:м «пядь» [10]; сал. чаг. sōjām, кырг. сөөм «расстояние между раздвинутыми указательным и большим пальцами»; в языке киргизов из Зааминского и Бёкинского районов Узбекистана сүйөм [7]; алт. сө:м; саг., койб. сү:м; як. сүөм [14]; каз., ккал. сүйөм. В монгольских языках долгота появилась в результате выпадения интервокальной согласной. Тюркскими языками было заимствовано, когда для монгольских языков была характерна интервокальная согласная. Развитие долготы гласных на почве тюркских языков доказывает сохранение переходных форм. Эволюция такова: старомонг. sögem~sögüm → средне түрк. sögem~sögüm < sōjām < sō:m~ sü:m.

*uγa→oo:

Старомонг. boluγa; сал. кырг. болкоо / болгоо, кырг. диал. (батк.) боолго; алт. болгообос «невнимательный»; тел. полгоо [6]. В монгольских языках *uγa давало долготу [a:] или [o:] (например, doluγan → бур. доло:он, халх. доло:; jīγuγan → бат. бур. жорго:н, ад. бур. зурга:н, халх. зурга: ж. б.) [3], в этом случае переходил в монофтонг [o:]. Встречающиеся в диалекте ичкиликов киргизского языка боолго считается результатом квантативной метатезы. В киргизском литературном языке, как и в исходном языке, долгота гласной наблюдается во втором слоге.

Старомонг. jīluγa [←*jīluγa←*dīluγa←dī-lu-γa], халх., бур. жоло:, калм. жола «поводья, вожжи» [9]; сал. кырг. жылоо «узды» [5]; ккал. жылаў «поводья, вожжи» [6]. В других тюркских языках мы не смогли встретить. В киргизском языке присутствует долгота, а в каракалпакском языке присутствует дифтонг аў.

Старомонг. obuγa «куча, груды земли, камней, курган; межевой знак», совр. монг. ово:(н), бур. обо:; сал. кырг. обоо «холм из камней» (реже, межевой холмик); алт. обо:, хак. оба: «курганский камень», шор. оба~ома, тув. ова:, баш. ува. Если в киргизском и алтайском языках сохраняется [oo] из монгольских языков, то в тувинском и хакасском языках в соответствии с их внутренними законами присутствует долгое [aa].

*üge→өө:

Старомонг. köbege/ köbüge (*köbe-ge), халх. хөвө:, бур. хүбө:, калм. көвә «край, кромка; обшивка, кайма» [9]; сал. кырг. көбөө «не столь широкая кайма из плотной ткани, которой

обшиваются полы шубы или концы рукавов или низ кожаных штанов; яма, выеденная водой»; тел. көбөгө «край, окраина» [6]; алт. көбө; хак. көбе:, саг. куваа, кыз. хумаа; тоф. хөбө:, каз. көбә [11]. В тюркских языках и диалектах встречается в форме көбөгө ~ көбөө ~ хөбөө ~ куваа ~ хумаа ~ көбө. Это свидетельство того, что лексема *köbege была заимствована из монгольских языков тюркскими языками в разное время. Из тюркских языков в диалектах сагай и кызыл хакасского языка перешел в широкую гласную.

Как показывают приведенные выше иллюстративные материалы, долгие гласные монгольских языков из тюркских языков сохранились только в южных диалектах киргизского и алтайского языков. Тот факт, что южные диалекты алтайского языка (алтай, телеут, теленгит) подверглись по сравнению с северными диалектами (туба, челкан, куманды) большему влиянию монгольских языков в свое время был отмечен еще В. И. Рассадиным [2]. Также северные диалекты, заимствовавшие монголизмы из южных диалектов, внесли в эти слова фонетические и морфологические изменения. Точнее говоря, для северных диалектов характерны вместо узких, лабиализованных долгих гласных широкие, открытые долгие гласные. Это особенно характерно для долгих гласных сочетаний *ауи и *егü. С этой стороны южные диалекты алтайского языка схожи с киргизским языком. Слова, заимствованные из монгольских языков южными диалектами киргизского и алтайского языков, своим видом и семантикой не столь отличаются от корневого языка.

Выводы

1) Если в монгольских языках фонемные дифференциальные показатели долгих гласных определяются по качеству гласной второго слога (которая сокращается), то выяснилось, что в тюркских языках, наоборот, качество долготы определяет гласная первого слога.

В результате ослабления артикуляции интервокальная согласная выпадает и две гласные объединившись, создают долготу. От этого два слога объединяются в один, или не объединяясь в один монофтонг, сохраняют хиатус.

Развитие в монгольских языках исторических звуковых сочетаний в долгие гласные претворялось в жизнь на основе известных закономерностей: а) ага → аһа → аһа → а'а → аа; б) агу → аһу → аһа → а'у → у'у → уу. Этот процесс в монгольских языках и их диалектах не проходил одновременно и равномерно. В одних языках переходная форма сохранялась надолго, объединение двух гласных требовало больше времени, иногда в одном диалекте интервокальные согласные сохранялись в одном слове, а в другом слове выпадали. По этой причине, одно и то же слово в монгольских языках и их диалектах звучит по-разному.

4) Если в монгольских языках V+w+V или V'V, не сохраняясь в промежуточной фазе, переходили в долготу, то в тюркских языках переходные формы употребляются и сегодня: *күгүавул <кырговул ~ кыргаул <кыргоол.

Список литературы:

1. Номинханов Ц. Д. Материалы к изучению истории калмыцкого языка. М.: Наука, 1975. 324 с.
2. Рассадин В. И. Монгольско-бурятские заимствования в Сибирских тюркских языках. М., 1980. 115 с.
3. Рассадин В. И. Очерки по исторической фонетике бурятского языка. М.: Наука, 1982. 199 с.
4. Санжеев Г. Д. Сравнительная грамматика монгольских языков. Т. 1. М.: Издательство АН СССР, 1953. 242 с.
5. Юнусалиев Б. М. Киргизская лексикология. Фрунзе: Киргизучпедгиз, 1959. 247 с.

6. Вербицкий В. Словарь алтайского и аладагского наречий тюркского языка. Горно-Алтайск: Ак чечек, 2005. 496 с.
7. Насыров Д. С., Убайдуллаев К. У. Каракалпакско-русский словарь. М., 1958. 890 с.
8. Санжеев Г. Д., Орловская М. Н., Шевернина З. В. Этимологический словарь монгольских языков. Т. I. А-Е. М.: ИВ РАН, 2015. 224 с.
9. Санжеев Г. Д., Орловская М. Н., Шевернина З. Этимологический словарь монгольских языков. Т. II. G-P. М.: ИВ РАН, 2016. 232 с.
10. Санжеев Г. Д., Орловская М. Н., Шевернина З. В. Этимологический словарь монгольских языков. Т. III. Q-Z. М.: ИВ РАН, 2018. 240 с.
11. Левитская Л. С., Дыбо А. В., Рассадин В. И. Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы «К», «Қ». М.: Языки русской культуры, 1997. 368 с.
12. Левитская Л. С., Благовой Г. Ф., Дыбо А. В., Насилов Д. М., Поцелуевский Е. А. Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы «Л», «М», «Н», «П», «С». М.: Восточная литература РАН, 2003. 446 с.
13. Toparlı R., Vural H., Karaatlı R. Kıpçak Türkçesi Sözlüğü (2. baskı) Ankara: Türk Dil Kurumu Yayınları. 2007.
14. Räsänen M. Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türksprachen: Wortregister/Zsgest. v. István Kecskeméti. Suomalais-ugrilainen seura, 1971.

References:

1. Nominkhanov, Ts. D. (1975). Materialy k izucheniyu istorii kalmytskogo yazyka. Moscow. (in Russian).
2. Rassadin, V. I. (1980). Mongol'sko-buryatskie zaimstvovaniya v Sibirskikh tyurkskikh yazykakh. Moscow. (in Russian).
3. Rassadin, V. I. (1982). Ocherki po istoricheskoi fonetike buryatskogo yazyka. Moscow. (in Russian).
4. Sanzheev, G. D. (1953). Sravnitel'naya grammatika mongol'skikh yazykov. T. 1. Moscow. (in Russian).
5. Yunusaliev, B. M. (1959). Kirgizskaya leksikologiya. Frunze. (in Russian).
6. Verbitskii, V. (2005). Slovar' altaiskogo i aladagskogo narechii tyurkskogo yazyka. Gorno-Altaysk. (in Russian).
7. Nasyrov, D. S., & Ubaidullaev, K. U. (1958). Karakalpaksko-russkii slovar'. Moscow. (in Russian).
8. Sanzheev, G. D., Orlovskaya, M. N., & Shevernina, Z. V. (2015). Etimologicheskii slovar' mongol'skikh yazykov. I. A-E. Moscow. (in Russian).
9. Sanzheev, G. D., Orlovskaya, M. N., & Shevernina, Z. (2016). Etimologicheskii slovar' mongol'skikh yazykov. II. G-P. Moscow. (in Russian).
10. Sanzheev, G. D., Orlovskaya, M. N., & Shevernina, Z. V. (2018). Etimologicheskii slovar' mongol'skikh yazykov. III. Q-Z. Moscow. (in Russian).
11. Levitskaya, L. S., Dybo, A. V., & Rassadin, V. I. (1997). Etimologicheskii slovar' tyurkskikh yazykov: Obshchetyurkskie i mezhtyurkskie osnovy na bukvy "A", "K". Moscow. (in Russian).
12. Levitskaya, L. S., Blagovoi, G. F., Dybo, A. V., Nasilov, D. M., & Potseluevskii, E. A. (2003). Etimologicheskii slovar' tyurkskikh yazykov: Obshchetyurkskie i mezhtyurkskie osnovy na bukvy "L", "M", "N", "P", "S". Moscow. (in Russian).
13. Toparlı, R., Vural, H., & Karaatlı, R. (2007). Kıpçak Türkçesi Sözlüğü (2. baskı) Ankara: Türk Dil Kurumu Yayınları.

14. Räsänen, M. (1971). *Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türksprachen: Wortregister/Zsgest. v. István Kecskeméti*. Suomalais-ugrilainen seura.

Работа поступила
в редакцию 08.02.2023 г.

Принята к публикации
16.02.2023 г.

Ссылка для цитирования:

Каратаева С. К., Семиз К. Трансформация звуковых комплексов V+C+V из монгольских языков в тюркских языках // Бюллетень науки и практики. 2023. Т. 9. №3. С. 493-500. <https://doi.org/10.33619/2414-2948/88/68>

Cite as (APA):

Karataeva, S., & Semiz, K. (2023). Transformation of Sound Complexes V+C+V From Mongolian Languages to Turkic Language. *Bulletin of Science and Practice*, 9(3), 493-500. (in Russian). <https://doi.org/10.33619/2414-2948/88/68>